

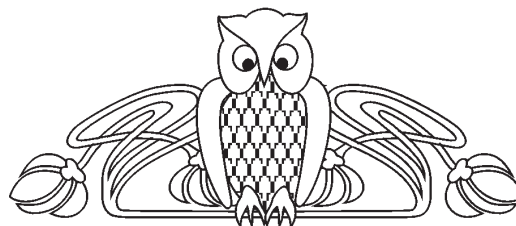
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 329–334
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 329–334
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-329-334>, EDN: UJZDLJ

Научная статья
УДК 811.161.1'1'374.3

Колкость как речевой поступок

Л. А. Бушуева

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23

Бушуева Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной лингвистики, sebeleva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9077-252X>

Аннотация. Целью данного исследования является рассмотрение фреймовой организации знаний о речевом поступке «колкость» в современном русском языке и русской речи. Применение фреймового подхода и теории прототипов в исследовании дает возможность выявить особенности номинаций и категориальные признаки единиц, учитывая человеческий фактор в языке. Исследование проводится на материале русских толковых словарей, словарей синонимов, словарей концептов. В качестве источника современных контекстов используется Национальный корпус русского языка. С опорой на определение поступка предлагается рассматривать речевой поступок как мотивированное речевое действие, которое всегда совершается в социуме и получает внешнюю положительную или отрицательную оценку, а также ведет к определенным последствиям. В статье показано, что совокупность представлений о ситуации речевого поступка, именуемого «колкость», репрезентирована с помощью ментальных единиц (слов), которые являются основными составляющими лингво-когнитивной фреймовой модели: мотив поступка, действие как проявление поступка, агент поступка, объект поступка, оценка поступка, результат поступка. Выявлены особенности актуализации данной лингво-когнитивной модели в лексической системе русского языка и современной русской речи. На основе анализа лексикографических и речевых данных, исследования парадигматических, синтагматических связей лексем-репрезентантов фрейма выделены прототипические характеристики элементов (слов) фреймовой модели. Показано, что данные элементы (слоты) фреймовой структуры связаны между собой и высвечивают различные аспекты ситуации речевого поступка «колкость». Сделан вывод о том, что фрейм речевого поступка «колкость» представляет собой лингво-когнитивную модель, которая структурно отражает определенный фрагмент действительности.

Ключевые слова: речевой поступок, фрейм, прототип, колкость

Для цитирования: Бушуева Л. А. Колкость как речевой поступок // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 329–334. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-329-334>, EDN: UJZDLJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A stinging remark as a speech act

L. A. Bushuyeva

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia
Lyudmila A. Bushuyeva, sebeleva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9077-252X>

Abstract. The aim of the article is to look into the frame structure of the speech act KOLKOST' (stinging remark) in the lexico-semantic system of the Russian language and Russian discourse. The combination of the frame theory and the theory of prototypes in the research helps to figure out the peculiarities of naming and the characteristics of the lexemes, taking into account the human aspect in the language. The research draws on the data from explanatory dictionaries of the Russian language, the dictionaries of synonyms, the dictionaries of concepts. The Russian National corpus is used as a source of the contemporary contexts. Taking into consideration the existing definitions of an act, the research suggests viewing a speech act as an act driven by a certain intention, always performed in the society, that leads to certain consequences and gets evaluation (positive or negative) from other people. The study shows that the conceptualization of the speech act "a stinging remark" is closely related to the linguo-cognitive frame model constituted by the following elements: an intention, action, subject, object, valuation, result. The article points out how the elements of this frame model are represented in the Russian language-system and discourse. Through the analysis of lexicographic and speech data, the paradigmatic and syntagmatic peculiarities of the words that represent the frame-model, the prototypical characteristics of the structural elements of the slots were figured out. These elements (slots) of the frame-model are interrelated and represent different aspects of the situation called KOLKOST' (stinging remark) in Russian. The research shows that the frame-model of the speech act called KOLKOST' (stinging remark) is a complex structure, a linguo-cognitive model which reflects the fragment of the world with all the relations between its elements.

Keywords: speech act, frame, prototype, stinging remark

For citation: Bushuyeva L. A. A stinging remark as a speech act. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 329–334 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-329-334>, EDN: UJZDLJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современной лингвистике не угасает интерес к различным аспектам межличностного взаимодействия, в том числе к негармоничному, конфликтному коммуникативному поведению. Как проявление речевой деструктивности исследователи рассматривают такой феномен, как колкость [1–4]. Колкость в лингвистических исследованиях трактуется как жанр, для которого характерны определенные речевые стратегии [1, 2]; как речевая тактика, провоцирующая конфликт [3]; как компонент языковой игры [4]; как один из видов речевой агрессии [5]. В данном исследовании предпринята попытка рассмотреть колкость как речевой поступок. С нашей точки зрения, сочетание фреймового подхода и теории прототипов позволит глубже исследовать представление носителей русского языка о речевом поступке «колкость».

Под термином «речевой поступок» мы понимаем речевое действие, которое совершается в социуме и имеет в своей основе мотив, всегда получает внешнюю оценку; другими словами, речевой поступок – это поступок, совершаемый посредством высказывания. Необходимость введения данного термина в научный оборот обуславливается тем фактом, что поступки могут воплощаться не только в физических действиях, но и в речевых. В русском языке выделяется ряд лексем, обозначающих такие поступки (*оскорбление, грубость*), что находит отражение в словарных определениях данных единиц: «оскорбление – оскорбительный поступок, поведение, слова»; «грубость – грубое слово, поведение, поступок» [6].

Фрейм понимается в данном исследовании как схемное когнитивное моделирование какой-либо ситуации и набор задаваемых данной ситуацией типовых характеристик, т.е. того, что отличается в сознании человека представление именно этой ситуации от другой [7, с. 87]. Смысл данной единицы сознания актуализируется в элементах (слотах) фрейма. Фрейм дает возможность соединить когнитивный и языковой уровни через соотнесение слотов фрейма с компонентами семантической структуры лексической единицы.

С позиции теории прототипов фрейм – это сущность, в основе которой лежит некая норма, прототип, по определению Э. Рош – «образец, эталонный репрезентант для многих объектов, который содержит то, что объединяет эти объекты в один класс» [8, с. 30].

Выделим основные стороны речевого поступка «колкость» в виде элементов инвариантной фреймовой модели, рассмотрим характер их взаимодействия. В структуре фрейма

любого поступка (речевого и неречевого) выделяются такие элементы (слоты), как мотив (поступок всегда мотивирован), действие (формой любого поступка является речевое или неречевое действие), агент (человек), объект (факультативный элемент, так как не все поступки совершаются по отношению к кому-либо), оценка (поступок всегда получает внешнюю положительную или отрицательную оценку), результат (поступок имеет последствия).

Рассмотрим особенности выражения данных аспектов логико-когнитивной фреймовой модели «поступок» (мотив – речевое действие – агент – объект – результат – оценка) в языковой и речевой репрезентациях фрейма речевого поступка «колкость». Исследование проводится на материале толковых и синонимических словарей русского языка [6, 9, 10], словарей концептов [11], а также текстов Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [12].

Внутренняя форма лексемы *колкость* прозрачна и соотносится с колющими предметами, уколами, т.е. с чем-то, что может причинить боль: прямое значение лексемы *колкость* – «от прил. *колкий*; причиняющий боль при прикосновении» [6]. Колкость в переносном значении – это «язвительное замечание, колкая насмешка» [9, с. 301]. Данное значение для лексемы *колкость* отмечается и ранее (ср. определение в «Словаре Академии Российской» 1792 г.): «колкость – 1. свойство вещи, могущей колоться; 2. едкость, язвительность. *Колкость в словах*» [13, с. 747]. Глагол *уколоть* также может обозначать речевой поступок «колкость», акцентируя внимание на оценочном действии: «уколоть – *перен.* болезненно задеть кого-либо, чьи-либо чувства колким, *ядовитым* замечанием, насмешкой; уязвить» [6]. Прилагательное *колкий*, судя по словарным определениям, может выражать оценку рассматриваемого поступка: «колкий – *язвительный, ядовитый*. *Звучат сердитые слова, колкие насмешки*» [6].

Лексема *колкость* получает толкование через сходные элементы в словарях разных лет, а именно через единицы *язвительный, ядовитый, насмешка*: «язвительный – ранящий, причиняющий боль; стремящийся уязвить, больно задеть словами; выражающий насмешку»; «насмешка – обидная шутка»; «ядовитый – злобный, язвительный» [6]. Синонимом колкости является существительное *шпилька* [10, с. 473]: «шпилька – *перен.* колкое, язвительное замечание» [6], которое также соотносится с острым предметом, способным поранить: «шпилька – приспособление для закалывания волос в причёске» [6].

Анализ парадигматических особенностей языковой экспликации фрейма речевого поступка «колкость», которые отражены в его синонимических отношениях, исследование синтагматических особенностей его языкового выражения, отраженных в типовой сочетаемости, позволяют уточнить выявленные посредством анализа лексикографических источников когнитивные признаки.

В «Словаре синонимов» под редакцией З. Е. Александровой *колкость* включена в синонимический ряд, доминантой которого является слово *насмешка*: «насмешка – колкость – подковырка – шпилька» [14, с. 230]. Из определений данных лексем видно, что синонимический ряд связывает речевой поступок «колкость» с поведением, которое, несмотря на свою внешне невинную форму, оценивается как обидное, приносящее страдание: «насмешка – обидная шутка по поводу кого-либо, чего-либо», «подковырка – стремление задеть, уязвить кого-либо; язвительное замечание» [6].

На связь колкости с оскорбительным, несправедливым поведением указывает и определение *колкости* в «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова, где *колкость* приводится в одном синонимическом ряду с лексемами *обида*, *огорчение*, *оскорбление*, *неприятность*, *поношение*, *попрание*, *поругание*, *унижение*, *укол*, *шпилька*, *уязвление* и др. [15]. Близость данных лексем строится на основе значения «слово / поступок, вызывающий душевную боль». Ср.: «обида – оскорбление; то, что вызывает чувство огорчения»; «огорчение – расстройство, душевная боль»; «оскорбление – поведение, слова, вызывающие чувство огорчения»; «поношение – оскорбление»; «поругание – оскорбляющие кого-либо слова, поведение»; «унижение – оскорбление достоинства» [6].

Синтагматические особенности языковой экспликации речевого поступка «колкость» выражаются в его глагольной и атрибутивной сочетаемости. Атрибутивная сочетаемость, характерная для слова *колкость*: 1) реализует его отрицательно-оценочную семантику: *обидная колкость*, *наглая колкость*, *язвительная колкость*, *ядовитая колкость*; 2) обозначает оценку колкости с точки зрения не только ее сути, но и ее внешней формы: *меткая колкость* (удачно выраженная), *изошренная колкость* (доведенная до высокой степени качества), *завуалированная колкость* (неясный, намеренно скрытый); *очаровательная колкость* (эстетическая оценка), а также косвенно конкретизирует отношение

агента колкости к объекту поступка: *бестактная колкость* (выражающая неуважение, пренебрежение к кому-либо), *грубая колкость* (лишенная чуткости, т.е. сочувствия к кому-либо), *добродушная колкость* (мягкий, добрый по отношению к кому-либо); 3) акцентирует внимание на разрушительных для объекта поступка последствиях: *уничтожительная колкость*, *уничтожающая колкость*, словосочетания *ядерная колкость*, *едкая колкость* также косвенно актуализируют результат колкости.

Реакция объекта на поступок выражена в стандартных глагольных и атрибутивных сочетаниях, которые свидетельствуют о том, что объект поступка может совершить ответное речевое или физическое действие: *ответить на колкость*, *отомстить за колкость*, *обменяться колкостями*, *пикироваться колкостями*, *взаимные колкости*; или принять колкость без протеста, не обнаружить истинных чувств: *проглотить колкость*, *не заметить колкость*, *выносить колкости*.

Языковая экспликация речевого поступка «колкость» в ряде типичных контекстов демонстрирует примеры метафорической концептуализации. Основным является сравнение колкости с орудием: *метать колкости*, *меткая колкость*, *стрелять колкостями*, *пикироваться колкостями*; колкость соотносится с инструментом: *поддеть колкостью*; веществом: *ядовитая колкость*, *едкая колкость*.

Таким образом, в результате исследования данных лексикографических источников русского языка мы можем выявить структурные элементы фрейма «колкость»: в русском языке в виде самостоятельных лексем вербализованы слоты «Действие как проявление поступка» (*уколоть*), «Оценка поступка» (*колкий*). Основные содержательные признаки данных элементов, а также элементов, которые не находят вербального выражения, при этом актуализированы в словарных определениях лексем-репрезентантов поступка, можно обозначить следующим образом: 1. действие, лежащее в основе поступка, – колкость совершается в форме замечания, шутки; 2. мотив поступка – колкость мотивирована желанием уязвить; 3. объект поступка – колкость совершается по отношению к кому-либо; 4. оценка поступка – колкость оценивается отрицательно; 5. результат поступка – колкость причиняет боль.

Рассмотрим особенности функционирования фрейма речевого поступка «колкость» в современных контекстах НКРЯ [12]. Отметим, что наибольшей употребительностью в контекстах, описывающих поступок, характеризуется

лексема *колкость*. Данные НКРЯ указывают на активность в речевой практике выявленных ранее когнитивных признаков, при этом в них обнаруживаются некоторые новые когнитивные признаки речевого поступка «колкость».

Наибольшей выраженностью в современной речи обладают слоты «Действие как проявление поступка», «Результат поступка», «Оценка поступка».

Слот «Действие как проявление поступка». Контексты НКРЯ позволяют выделить следующие характеристики колкости:

1) колкость всегда выражается в речевом действии, внешняя форма которого безобидна, что позволяет замаскировать истинное «назначение» поступка – уязвить объекта поступка. «Оболочкой» колкости может быть, например, невинное замечание: *Вы получаете парочку колкостей, острых и дерзких фраз по собственному адресу (но опять-таки не в лоб, а вскользь, в образе литературных цитат, жизненных наблюдений), которые весьма полезны для людей думающих* (Е. Кутловская, А. Гуськов: «Я уважаю любой труд», 2003). Истинная суть колкости всегда завуалирована, намеренно приукрашена обходительной, изящной формой высказывания: *А учиться не хочется, – кольнула меня Федотова, смягчая колкость своим певучим голосом и ласкающей интонацией* (К. Станиславский, *Моя жизнь в искусстве*, 1925–1928). Внешне корректное, преисполненное добрыми намерениями высказывание не сразу расшифровывается собеседником как обидное и оскорбительное речевое действие: *Можно было прекратить этот щекотливый разговор – обмен то ли колкостями, то ли любезностями* (А. Берсенева, *Полет над разлукой*, 2003–2005). Внешне колкость близка любезности или невинной шутке, по сути – оскорблению: *Надо сказать, что даже те, кто побаивался Арнольда, не могли не отдать должное его умению облечь замечания в остроумную форму. И задетый им нередко сам не мог удержаться от смеха – при всех обидах на критика. Обиды, конечно, таили, но колкости Арнольда передавались, теперь уже можно сказать, из поколения в поколение* (И. Кио, *Иллюзии без иллюзий*, 1995–1999); *Зурбов и он продолжали обмениваться колкостями. Кончилось тем, что они стали вышучивать профессии друг друга* (Ю. Трифонов, *Утоление жажды*, 1959–1962);

2) колкость – это речевой поступок в ответ на поведение / слова, уязвляющие чувства агента колкости: *Поступить так – значит стать как он. Отвечать колкостями на его злые шутки?*

(Г. Артемьева, *Фата на дереве*, 2012); *Когда Сергей Константинович был резок в своих выражениях, он прятал голову в плечи и старался не смотреть на Степана Ивановича, а когда Степан Иванович отражал нападения Венчикова колкостями, он <...> молчал* (В. Бруснянин, *Дворянин Венчиков*, 1916) – колкость совершается в ответ на насмешку, речевую агрессию.

Слот «Результат поступка». Контексты НКРЯ свидетельствуют о неодинаковых последствиях поступка для агента и объекта колкости: колкость приносит приятные эмоции агенту поступка, ср., например, *Было приятно говорить ему колкости, и я вкладывал в свои интонации все невысказанное неудовольствие его вторжением* (Б. Левин, *Иностранное тело*, 1965–1994); *Произнеся громким голосом еще несколько колкостей и обретя в этом спокойствие, она ушла* (И. Меттер, *Директор*, 1979); реакция объекта поступка на колкость может варьироваться от игнорирования до совершения аналогичного поступка (колкость, насмешка и др.) в ответ, например, *Она пропустила колкость мимо ушей и тоном светской беседы продолжила* (А. Мардань, *Тайна на троих*, 2019); *Андрюха мои страхи не разделил, а обсмеял – взял реванш за колкость насчет палатки* (М. Бутов, *Свобода*, 1999).

Примечательно, что объект колкости оценивается как умный или глупый в зависимости от того, реагирует он или не реагирует на поступок: *Тупые от любой колкости взрывались мгновенно* (О. Дивов, *Молодые и сильные выживут*, 1998); *В тот вечер она говорила Ане всякие колкости, даже грубости, но Аня, умница, ее просто не слышала* (Ю. Трифонов, *Нетерпение*, 1973).

К прототипическому результату колкости также можно отнести обиду, чувство огорчения, которые испытывает объект поступка: *Быстро схватывающий и так же быстро реагирующий Эдик обиженно поджал губы, готовясь ответить колкостью на колкость* (С. Данилюк, *Рублевая зона*, 2004); *И я наслаждалась ею в полной мере и видела, как его корезит от моих колкостей и издевательств* (Л. Иванова, *Искренне ваша грешница*, 2000).

Слот «Оценка поступка». Прототипической оценкой речевого поступка «колкость» является отрицательная оценка. Это находит подтверждение и в современных контекстах, где колкость встречается в одном ряду с отрицательно-оценочными лексемами: *Шурка вел себя умнее и делал вид, что не замечает колкостей и пренебрежения* (А. Батюто, *Дневник*, 1937); *Были и злость, и слезы, и колкости, и ревность, и упреки* (В. Швец, *Дневник*, 1943).

Отрицательная оценка применительно к колкости получает эксплицитное и имплицитное выражение в современных контекстах. Ср.: *Он был одет безупречно, дорого, не вызывающе и не скромно, и вел себя порою слишком сухо: по правде говоря, весь этот лоск выглядел немножко забавно, и мне все хотелось сказать ему какую-то колкость, но я знал, конечно, что делать этого нельзя* (А. Григорович, Пыльная буря, 2012); *Экономка стоически выносила все эти колкости – ей хорошо платили* (И. Бояшов, Путь Мури, 2007) – лексема *выносить* передает идею о способности выдерживать, переносить нечто тяжелое, неприятное (трудности, невзгоды и др.); *Я конечно могу терпеть его колкости и постоянные упреки (а они непременно будут, типа почему ребенок не идеальный, это твоя вина!)* (Наши дети: Дошколята и младшие школьники (форум), 2005) – лексема *терпеть* в сочетании с существительным *колкость* также имплицитно выражает идею об отрицательно оцениваемом явлении (*терпеть страдание, боль, неудобства*), с наличием которого приходится мириться, допускать вопреки своему желанию.

Примечательно, что в некоторых контекстах НКРЯ актуализирована положительная оценка колкости, например, *Монархи и вельможи демонстрировали любовь друг к другу, сквозь которую прорывалась естественная неприязнь – она выражалась в очаровательных колкостях и злых mots, которыми галантно обменивались на увеселениях, сопровождавших конгресс, и интимных встречах* (Э. Радзинский, Чаадаев, 1999) – в контекстах такого плана положительно оценивается не сам поступок, а, скорее, форма, через которую он находит выражение.

Слоты «Агент поступка», «Мотив поступка» выражены в контекстах НКРЯ реже по сравнению с рассмотренными слотами, однако проведенное исследование позволяет выделить их прототипические характеристики.

Слот «Мотив поступка». Мотив колкости в соответствии со словарными толкованиями предполагает желание агента уязвить объекта поступка. В контекстах НКРЯ данный мотив также находит выражение. Ср.: *Его колкости, его стремление наказать нас, сделать нам больно – это лишь знаки его собственного внутреннего страдания* (А. Колмановский, Безучастность, 1997). К мотивам, не отмеченным в толковых словарях, но актуализированным в современных контекстах, можно отнести зависть со стороны агента по отношению к объекту поступка, а также склонность агента поступка к такому поведению. Например, *Известно ведь,*

что колкости и шутки за спиной крупного специалиста являются обычно не более чем формой проявления зависти (Е. Водолазкин, Соловьев и Ларионов, 2009); *При всех своих достоинствах Михаил Алексеевич любит отпускать колкости, даже любя* (Р. Ивнев, Дневник, 1930); *Она имела дар к колкостям: пользуясь остроумием высшим своей якобы бескорыстнейшей соли, колола и жалила с остервенением: присутствующих и отсутствующих, – без стыда и ответственности* (А. Белый, На рубеже двух столетий, 1929).

Слот «Агент поступка» не находит выражения на системно-языковом уровне, при этом очерчен в современном дискурсе. Несмотря на существующую точку зрения о том, что колкости, как правило, чаще используют в своей речи женщины [4, с. 131; 1], наше исследование показало, что колкости в одинаковой степени совершаются разными людьми, независимо от пола: *Николай открыл было рот, чтобы сказать какую-то колкость, когда в кухню вернулся Шоринов* (А. Маринина, За все надо платить, 1995); *Даже об убитой подруге она не может не сказать колкость* (А. Маринина, Черный список, 1995).

Из контекстов ясно, что агент и объект колкости могут испытывать друг к другу широкий спектр эмоций: от интереса и симпатии до неприязни. Ср.: *Тогда я еще не догадывался, что колкости могут быть обнадеживающими знаками внимания. А может, догадывался, но скрывал* (С. Довлатов, Филиал, 1988); *Они с А. Ф. терпеть не могли друг друга, и когда встречались у нас, говорили колкости* (А. Ласкин, Ангел, летящий на велосипеде, 2001).

В целом языковые и дискурсивные данные позволяют сделать следующие выводы о фреймовой организации речевого поступка «колкость». В системе русского языка вербализованы в виде специальных лексем слоты «Действие как проявление поступка»; «Оценка поступка». В словарных толкованиях и иллюстративных примерах также эксплицированы слоты «Мотив поступка», «Объект поступка», «Результат поступка». Содержание выявленных слотов раскрывается в словарных толкованиях следующим образом: колкость замаскирована под внешне безобидное речевое действие (замечание, шутка), при этом истинная суть поступка заключается в желании агента уязвить объекта поступка. Поступок причиняет боль объекту поступка и оценивается отрицательно.

В русском современном дискурсе актуализированы все выявленные слоты, а также слот «Агент поступка», который не актуализирован

на системно-языковом уровне. Кроме обозначенных ранее признаков поступка, в дискурсе находят выражение дополнительные характеристики: 1) колкость всегда мотивирована отношением агента поступка к объекту, при этом данное отношение может варьироваться от симпатии до ненависти; 2) колкость может совершаться как ответный поступок на оскорбительное поведение, в том числе колкость (*обменяться / пикироваться колкостями*); 3) результат колкости неодинаков для агента и объекта поступка: чувство удовлетворения – прототипический результат для агента колкости, чувство обиды, боль – для объекта поступка; 4) разумной реакцией на колкость признается игнорирование поступка.

Список литературы

1. Седов К. Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // *Жанры речи* / отв. ред. В. Е. Гольдин. Саратов : Коледж, 1997. С. 188–195. URL: <https://psihdocs.ru/k-f-sedov-vnutrijanrovie-strategii-rechevogo-povedeniya-ssora.html> (дата обращения: 18.11.2022).
2. Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // *Вопросы языкознания*. 1999. № 1. С. 37–55.
3. Волкова О. С. Колкость как ироничная провокация негативных эмоций в коммуникативном конфликте // *Грани познания: Электронный научно-образовательный журнал*. 2015. № 1 (35). URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1423835217.pdf> (дата обращения: 18.11.2022).
4. Мосейко А. А. Колкость как компонент языковой игры // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки*. 2019. № 3 (136). С. 130–134.
5. Панченко Н. Н. Колкость в современной российской коммуникации: функциональный аспект // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки*. 2021. № 9 (162). С. 92–96.
6. *Малый академический словарь*. М. : Ин-т русского языка АН СССР, 1957–1984. URL: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 18.11.2022).
7. Никонова Ж. В. Фрейм в контексте лингвистической науки // *Вестник Вятского государственного университета*. 2008. № 4 (2). С. 86–89.
8. Rosch E. Principles of Categorization // *Cognition and Categorization* / ed. by E. Rosch, B. B. Lloyd. Hillsdale, NJ. : Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.
9. *Русский семантический словарь* / под ред. Н. Ю. Шведовой : в 3 т. Т. 3. М. : Азбуковник, 1998. 720 с.
10. *Словарь синонимов русского языка* / под ред. А. П. Евгеньевой : в 2 т. Т. 1. М. : Астрель, 2003. 680 с.
11. *Словарь русской ментальности* / под ред. В. В. Колесова, Д. В. Колесовой, А. А. Харитоновой : в 2 т. Т. 1. СПб. : Златоуст, 2014. 1198 с.
12. Национальный корпус русского языка (основной и параллельный). URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 18.11.2022).
13. *Словарь Академии Российской* : в 3 т. Т. 3. Санкт-Петербург : Императорская академия наук, 1792. 1388 с.
14. *Словарь синонимов русского языка* / под ред. З. Е. Александровой. М. : Русский язык, 2001. 568 с.
15. *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений* / под ред. Н. Абрамова. М. : Русские словари, 1999. URL: <https://synonym.slovaronline.com/> (дата обращения: 21.11.2022).

Поступила в редакцию 08.12.2022; одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 08.12.2022; approved after reviewing 06.03.2023; accepted for publication 30.06.2023